

Лазарев 8

1985/II

Татьяна Доронина, Евгений Лазарев

ПРАВО НА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

На афише — бенефис!

Немного у нас найдется актрис, способных сыграть свой бенефис. Среди этих немногих, несомненно, народная артистка СССР Татьяна Доронина. Можно сказать, что каждый спектакль с ее участием превращается в своеобразный бенефис, а зрителями часто именно так и воспринимается. Именно это обстоятельство и послужило поводом для нынешней беседы. О проблемах актерского творчества, роли актера в современном театральном процессе, о его праве на индивидуальность, бенефис на сцене размышляют Татьяна Доронина и народный артист РСФСР Евгений ЛАЗАРЕВ.

Т. Д. Наверное, вы обратили внимание на то, что примерно последние два года стали чаще вспоминать о том, что актер — главное действующее лицо в театре. И это не только у нас, это во всем мире. Оцените же скромность актеров, которые всегда знали это и так долго молчали. Я, конечно, шучу, но это шутка не смешная. А зрители — наша главная сила и поддержка. И попробуйте провести их опрос: чей бенефис они хотели бы увидеть? Наверное, этот список был бы интересен...

Наш спектакль равно выражает всех: драматурга, режиссера и актеров. Мой ответ, конечно, пристрастен, но так я чувствую и понимаю, находясь «внутри» спектакля.

Существовать в форме, заданной режиссером, всегда трудно: нужно, чтобы условность не мешала безусловному внутреннему («поток») жизни духа твоего персонажа. Режиссеру, который сумел сохранить в условном зрелище безусловность актерского существования, можно только поклониться.

Е. Л. Бенефис действительно дает возможность более крупно и полно выразить актеру какую-то тему. Моя неудовлетворенность отношениями актера и режиссера и была одной из причин, толкнувших меня в режиссуру. Доходит порой до того, что в кино актера занимают гораздо больше, чем в театре. А ведь актерский «разогрев» существует не только на репетициях, но и как целый период. Система современного театрального дела очень тормозит развитие, проявление творческой энергии, заложенной и в актере, и в режиссере. И в этом смысле бенефис — это подарок, это поток кислорода для нас всех.

Корр. Значит, в наполнении образовавшейся актерской незапятнанности, своеобразного вакуума, основного смысла такой театральной формы, как бенефис?

Т. Д. Бенефис-концерт для драматического актера — несчастье. Только — театр. Актрисе удобнее работать в театре, который стал ей родным. Если такового пока нет, можно воспользоваться гостеприимством хороших руководителей, хорошей для игры площадки. В частности, театра эстрады. А вообще — если это сделано талантливо, то уместно везде. Бенефис на русской сцене означал собою когда-то выбор актером роли для себя... Выбрать роль не по своим силам бенефициант, конечно, мог, но делал это весьма редко. Потому что, помню успеха, герой вечера должен был иметь кассовый сбор. «Подрядилась в театр до великого поста условия — 70 рублей в месяц и два бенефиса» — актриса Негина у Островского надеялась, что ближайший бенефис поможет ей отдать самые важные долги. Сегодня бенефис — обычный рядовой спектакль, следовательно, рассчитывать «отдать долги» не прихо-

дится. И все же бенефис по-прежнему нужен каждому актеру, ибо счастье и несчастье нашей профессии состоит в том, чтобы как можно чаще и как можно полнее рассказывать со сцены о простых и вечных истинах: смысле добра, человеческой красоте и негибкости духа.

Театр — праздник. И это любимое зрелище требует слишком многого от всех участников, чтобы каждый раз подтверждать эту истину. Бенефис — это праздник вдвойне, он подготовлен специально. Невозможен праздник со средним успехом. Актеры и публика в театре взаимосвязаны.

Е. Л. Да, в бенефисе очень ярко выражается праздничная, радостная природа театра. А рождается он, конечно, от любви к Актеру. Впрочем, на мой взгляд, всякая постановка, будь то «Гамлет» или «Ричард III», рождается потому, что в театре есть актер, в которого влюблен режиссер. Но много, к сожалению, есть и таких режиссеров, которые боятся сильных исполнителей. Мастер владеет профессией, его надо вести куда-то дальше, потом он сложен, неоднозначен, с ним трудно. Таким режиссерам кажется, что творческий авторитет актера начинает угрожать их репутации. Тут все дело в интеллигентности, в калибре личности. Время режиссеров-«всадников» сегодня, наверное, уходит (вот таким режиссерам бенефисы, конечно же, не нужны).

Потом я действительно режиссер, происходящий из актеров. Я не хочу сказать, что режиссерский театр умер — ни в коей мере. Просто наконец наизрекло время того уровня культуры отношений между исполнителем и постановщиком, когда режиссер от деклараций о том, что ему нужен актер, личностью приходит (или не приходит) к действительно полному интересам этой личности. Кризис переживают те режиссеры, которые ищут средства выразительности вне живого человека, которые направляют свои поиски в сторону формы.

Корр. А чувствует ли актер разницу между игрой в обычном спектакле и в бенефисе? Вообще — разработаны ли в сегодняшней профессии и традиции «бенефисной игры»?

Е. Л. Нет, но актеры стремятся к этому. Есть прелесть побыть одному без партнеров перед зрителем. Но не каждому это дано, и не каждый в этом интересен. Есть актеры, которые очень интересны в эпизодах, а в главных ролях проигрывают.

Т. Д. На сегодняшний день бенефис не стал традицией, он большая редкость. А жаль! Зрители имели бы массу открытий, а на улицах Москвы появились бы афиши: «Бенефис Анастасии Зуевской», «Бенефис Валерия Золотухина»... У нас так много прекрасных актеров с правом ведущей партии в спектакле и по существу всегда «бенефисно играющих».

Театр силен огромным потенциалом — драматурги, режиссеры, актеры — их много, они неожиданны, очень интересны и умеют работать. Возрожденные бенефиса — одно из проявлений их творческих сил. А удовлетворенных актеров вы не найдете, удовлетворенность — это конец творчества.

Корр. Может быть, бенефис и умер потому, что «умерли» актеры, способные существовать по его

художественным законам? Зато губительного «премьерства» сегодня хоть отбавляй...

Т. Д. Есть такое выражение «жив курилка!» Так это об актерах. Они не умирали, они играли свои бенефисы для себя, поэтому и выжили. Назовем их так: «Бенефисы без афиш». Процент же талантов в любой области, говорят, приблизительно одинаков в каждом столетии.

Корр. А что для актера предпочтительнее: игра в «ансамблевом» спектакле или в своем бенефисе? Как может чувствовать себя «звезда» в плохом «ансамбле»?

Т. Д. Может быть ансамбль актеров среднего уровня, в котором все на равных, никто не выделяется, все играют одинаково плохо или одинаково средне. Это отличный повод для критика, жаждущего по той или иной причине похвалить плохой спектакль, написать о нем примерно так: «Спектакль поражает своим ансамблем. Хочется сказать обо всех». И в результате не говорят ни о ком. Все довольны. Режиссер — тем, что создал этот безликий ансамбль, актеры, что никого не похвалили, критик доволен своей способностью выйти из трудного положения с честью.

Нет большего счастья, чем играть с талантливыми партнерами. Кажется, эмоциональность, фантазия, заразительность и обаяние твоего партнера подтягивают, помогают тебе, заставляют тебя быть выше твоих собственных возможностей. У тебя тогда нет одинаковых спектаклей, ты купаешься, открываешь в роли такие неожиданные повороты, которые в голову тебе не приходили, когда сидела дома и работала, искала и, кажется, все верно определила. Но вдруг оценка сказанной тобой реплики у партнера вызывает столь неожиданную реакцию, он отвечает тебе по логике своего характера, что вся твоя домашняя работа забывается, и начинается то, что называется непосредственным общением.

Рождается новая жизнь нового для тебя человека. У него свои законы, он не похож на тебя, он заставляет тебя дальше жить в его логике, по его мере эмоциональности, в его «главном». Для меня партнер в спектакле значит очень многое. Драматический театр всегда требует не статистов, а ярких индивидуальностей.

Когда в театре начинается борьба самолюбий, большая, чем необходима для работы, результат оказывается плачевным. Я видела спектакли без режиссеров — это несовременное зрелище. Там, где начинается борьба за славу, за первенство между режиссером и актером, — там нет искусства. Актер и режиссер взаимосвязаны. Желательно, чтобы они были в равной степени взволнованы театром.

Беседу вел И. ВЕРГАСОВА.

В состоявшемся разговоре были затронуты далеко не все проблемы, высказаны различные и, может быть, не бесспорные взгляды, связанные с возрождением бенефиса.

Есть здесь и другая не менее важная сторона — организационная, которая еще не во всем совершенна, требует большей продуманности. Именно поэтому мы не торопимся с окончательными выводами, а приглашаем читателей, мастеров культуры — актеров, режиссеров, драматургов принять участие в разговоре.

Соб. Россия, 1985, 19 июня, № 140.